

Интерпретация текстов в традиции

УДК 82-343

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-22-35

Субъект интерпретаций в мифологическом тексте

Виктория А. Черванёва

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются элементы славянского мифологического текста, в которых осуществляется функция толкования событий или явлений в мифологическом ключе. В фокусе исследования – фигура субъекта-интерпретатора, характер и способы его презентации в тексте, соотношение с функциями субъекта повествования.

Несмотря на частотность и значимость в устной народной культуре текстовых элементов, в которых эксплицируется традиционная культурная информация, составляющая область народной герменевтики, они не стали предметом отдельного изучения ни в фольклористике, ни в лингвистике. Вопрос о субъекте толкований в текстах восточнославянской мифологической прозы не ставился никем из исследователей.

Применение нарратологического подхода к материалу позволило установить детерминированность черт фигуры рассказчика-интерпретатора в устных мифологических рассказах особенностями коммуникативной ситуации бытования текста. В частности, функционирование мифологического текста в рамках актуального разговорно-речевого дискурса обусловило доминирующую роль рассказчика в качестве субъекта интерпретаций.

В статье выявлена корреляция между формами толкований (эксплицитной и имплицитной) и позицией рассказчика – степенью его близости к событию текста; описаны способы непрямого (имплицитного) толкования мифологической ситуации в тексте, связанные с прагматикой жанра.

Ключевые слова: традиционная культура, мифологический текст, нарратив, субъект повествования, функции рассказчика

Для цитирования: Черванёва В.А. Субъект интерпретаций в мифологическом тексте // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 22–35. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-22-35

Subject of interpretation in a mythological text

Victoria A. Chervaneva

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia; viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The article examines elements of Slavic mythological texts that have an interpretative function. The main focus is on the person who provides the interpretation, and on the nature and methods of its presentation in the text, and on the correlation with functions of the narrator. In the oral folk culture despite the frequency and significance of textual elements in which traditional cultural information from the sphere of popular hermeneutics is explicated, they did not become a subject of the separate folkloristic or linguistic study. The question of the subject of interpretation in the texts of the East Slavic mythological prose was not raised by any of the researchers. An application of a narratological approach to the material made it possible to establish that in oral mythological tales the figure features for the interpreter-narrator are determined by the peculiarities of the communicative situation of the text existence. In particular, the functioning of the mythological text in the pertinent colloquial-speech discourse has determined the dominant role of the narrator as a subject of interpretations. The article reveals a correlation between interpretation forms (explicit and implicit) and the narrators' position, namely the degree of his proximity to the text event. In addition, the article describes ways of implicit interpretation of mythological situation in the text related to the genre pragmatics.

Keywords: traditional culture, mythological text, narrative, narrator, functions of the narrator

For citation: Chervaneva VA. Subject of interpretation in a mythological text. *RSUH/RGGU Bulletin. "History, Philology, Cultural Studies, Oriental Studies" Series.* 2018;9:22-35. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-22-35

Введение

Устная мифологическая проза, благодаря особенностям содержания и присущей ей установке на достоверность, является сферой, в которой мировоззренческие установки носителей традиции воплощаются практически в чистом виде – в ключе реальной модальности. В связи с этим в текстах на мифологическую тему большое значение имеют всякого рода мотивировки, или *тексты-интерпретанты*, как называет их Л.Н. Виноградова [1], в которых выражаются результаты осмысления в традиции причинно-следственного аспекта бытия. Например: «*Чтобы найти обратную дорогу, заблудившийся в лесу человек должен вывернуть одежду наизнанку*» [1 с. 311]; «*Нельзя позволять ребенку до года смотреться в зеркало, иначе он не начнет вовремя разговаривать*» [1 с. 311]; «*Ветки от троицкой березки кладут в сусек для охраны зерна от мышей*» [1 с. 309] и др.

Мотивировки, содержащиеся в текстах народной культуры, по своей логической форме могут быть тройными: 1) выражать цель описываемых ритуальных действий; 2) называть причины тех или иных явлений; 3) выражать следствие выполнения или, наоборот, невыполнения традиционных предписаний [2 с. 60].

Такого рода традиционная культурная информация, составляющая область народной герменевтики, эксплицируется как в сюжетном мифологическом тексте (быличке), так и тем более в несюжетном (поверье, описании ритуальной практики и др.). В силу того что мифологический текст, как правило, синкретичен и представляет собой комплекс фрагментов разной речевой природы, эти интерпретирующие элементы обычно включены в структуру быличкового повествования или в структуру обрядового текста, ритуальной инструкции, в текст гаданий и толкований снов.

Несмотря на частотность и значимость этих текстовых элементов в устной народной культуре, они не стали предметом отдельного изучения ни в фольклористике, ни в лингвистике. Упомянутая выше статья Л.Н. Виноградовой [1] и несколько более ранних ее работ на эту тему [3, 4] практически исчерпывают библиографию вопроса. Более того, в науке отсутствует четко сформулированная дефиниция самого лингвистического понятия мотивировки [5 с. 188; 1 с. 308].

В исследовании текстов-интерпретантов Л.Н. Виноградова сосредоточила внимание на вопросе о ситуациях, в которых у носителей традиционной культуры возникает потребность что-то толковать, и описала пять разновидностей контекстов функциони-

рования мотивировок: ритуальные запреты и предписания, ритуалы гадания, толкование снов, мифологические трактовки наблюдаемых явлений или событий, а также тексты подблюдных песен. Вопрос же о том, кто является субъектом интерпретаций в мифологическом тексте, насколько известно, пока не ставился никем из исследователей. Анализ именно этой проблемы был предпринят автором настоящей статьи в рамках изучения более крупной темы – моделирования образа человека в устной мифологической прозе. Исследовательская задача решалась на восточнославянском фольклорном материале, основная эмпирическая база – записи из архива Лаборатории фольклористики РГГУ (далее – АЛФ РГГУ).

Функции рассказчика-интерпретатора в мифологическом тексте

Прежде чем говорить о текстовых элементах с интерпретирующей функцией, укажем несколько особенностей объекта исследования – мифологического текста как типа традиционной устной словесности.

Следуя определению мифологического текста, принятого Московской этнолингвистической школой, отметим в качестве существенных такие признаки данного понятия, как демонологическое содержание, установка на достоверность, реализация мифологической информации в тексте в виде закреплённой в общественной памяти семантической модели и в форме одного из жанровых вариантов текста [6 с. 4]. При таком подходе, как указывает Е.Е. Левкиевская, «понятие мифологического текста оказывается вписанным в несколько различных параметров: семантический, когнитивный (рассматривающий формы познания мира) и коммуникативный» [6 с. 4].

Изучение коммуникативной стороны бытования мифологического текста позволило обнаружить его диалогическую структуру и обусловленность речевой формы текста прагматическими характеристиками ситуации его экспликации [7]. Интегрированность мифологического текста в диалог, в ситуацию непосредственной коммуникации находит отражение и в субъектной организации текста: повествование на мифологическую тему всегда осуществляется в условиях канонической речевой ситуации, когда говорящий и адресат находятся в одно время в одном месте в зоне взаимной видимости (о признаках канонической речевой ситуации см. [8, 9 с. 259]).

Благодаря исследованиям в сфере семантики и прагматики установлено, что в каноническом контексте подразумеваемым субъектом сознания, то есть знания, мнения, оценки, интерпретации и номинации, является говорящий [9 с. 281; 10, 11 с. 141; 12 с. 9]. Таким образом, следует ожидать, что в мифологическом тексте субъектом интерпретаций будет выступать тот субъект, от чьего лица ведется повествование и чья точка зрения отражена в тексте, то есть субъект речи.

Сосредоточим внимание на фигуре *нарратора* (рассказчика) и на способах вербализации выполняемой им функции интерпретации событий или явлений.

По нашим наблюдениям, одной из особенностей субъектной организации мифологического нарратива является обязательная включенность рассказчика в текст на смысловом и вербальном уровнях: даже в случае, когда он не позиционирует себя как участника или наблюдателя описываемых событий и излагает информацию с внешней точки зрения, рассказчик в быличке всегда проявляет свое присутствие в тексте, занимает в нем определенную пространственно-временную позицию. Нарратор в быличке включен в функциональные отношения действующих лиц – можно выделить как минимум пять функций рассказчика, которые тот может выполнять в ходе сюжетного действия мифологического рассказа – *актор, реципиент, наблюдатель, соприсутствующий, пересказчик*.

Актор – это активный персонаж, воздействующий на мир и других действующих лиц текста. В мифологических меморатах – устных рассказах-воспоминаниях о событиях, участником и очевидцем которых является сам рассказчик, – это человек, инициирующий взаимодействие с мифологическим персонажем (например, вызывающий духа домашнего пространства («хозяина») и задающий ему вопросы). Такой же тип рассказчика представлен и в описаниях ритуальных практик гадания и практик апотропеического характера, например¹:

(1)

[Что нужно сделать сразу, как вошел в избушку, чтоб не пугало?] Ну раньше у нас как говорили – вот раньше как... Мы, например, вот фсё, я подросток на сенокос ходила. Идём вот туда, за двац_ать с лишним километроф, и живём там месяц на сенокосе, сено заготовливаем.

¹ Примеры из АЛФ РГУУ приводятся с указанием информанта, года и места записи. В примерах сохраняется орфография источника. Фрагменты с интерпретативным значением выделены курсивом.

Приеж аеш через... ой [?], приходиш – там такой... бар... барак – не барак, но... такой приличный дом. Приходиш и опстукиваьш фсе углы. [Чем?] Палкой, по фсем углам. С улицы. Постукаеш... *для чево это делали – не знаю. Ково выгоняли из до... из нево [?], не знай, моът лягушку, моът... я не знай ково* (АЛФ РГГУ, инф. ЕФИ, Пермоянск, 2011).

Реципиент – пассивный персонаж, испытывающий воздействие со стороны мифологического персонажа или человека со сверхъестественными свойствами (магического специалиста). Контакт реципиента с мифологическим явлением описывается как столкновение, неожиданное и непредвиденное для самого человека. Это наиболее распространенный тип персонажа-человека в быличке.

(2)

Потом вот случей был: я на скотном дворе работала. Вот когда мя сын заболел, я к нему в больницу ездила. От на скотном дворе был бык большой. От сторожа не было на скотном дворе. Утром я – тут мы с жонкой ходили – говорю: «Нюра, приди пораньше, я сёни в горот поеду проведывать сына, дак пораньше обыходимси». Прихожу, затопила котёл воду грить коровам [нрзб.] Огонь зажгла: теперь электро визде, а тогда вить с фонарями. И пошла во двор. Двор открыла, а бык стоит передо мной. Недалёко вот друг от дружки со мной. Вот этот случей был. Я крикнула: «Ты пошто вышол?!» Он повернулса так тебе ходко и пошол где, в какой стае он стоял. А я тороплюсе, штобы он зашол, дак... подбижала ко двирям – двери закрыты. Бык на мисти. *А кого видела – не знаю. У меня на ней [?] волосы подняло. Вот это было* (АЛФ РГГУ, инф. ШЕП, Саунино-Льнозавод, 1999).

Наблюдатель также является действующим лицом текста. Как правило, он член семьи реципиента или актора и потому может наблюдать, как разворачиваются события. В отличие от персонажей, непосредственно взаимодействующих с мифологическим явлением, рассказчик-наблюдатель не задействован в ситуации контакта, что, однако, не препятствует ему активно интерпретировать происходящее. Приведем пример:

(3)

У нас мама тоже после работы побежала в лес, в Овсяново. Ну уж она ли не знает этово Овсяново – его все знают, но её так с любого конца, ну кто тут живёт с детства, все знают, с любого места зайти и тут и... Насобирала, это правда, насобирала корзину ягод, и выйти из болота не могла, да. Очень долго блудила, потом пришла, корзину, и вот я как

теперь помню, поставила вот тут у нас корзину с морошкой, сама легла на печку, ни слова не сказала долго-долго, едва отошла. А это очень часто туда вот не на Плоское, а на Паточино пойдёшь, ну вот не знаешь, в которую сторону и бежишь, то ли домой, то ли из дома, *водило, как гоюрят* (АЛФ РГГУ, инф. ПЕН, Труфаново-Кукли, 1998).

Соприсутствующий – функция рассказчика, который позиционирует себя как находящегося в пределах локуса протекания описываемых событий, но не участвующего в ходе действия, в отличие от *наблюдателя*. В текстах с таким типом нарратора отмечается пространственная смежность рассказчика с происходящим, но не указывается, каким образом тот узнал о событии – услышал от других или увидел сам. Такой способ моделирования рассказчиком своего места в изображаемой ситуации чаще всего осуществляется путем использования устойчивого выражения «у нас», локализуя событие в зоне восприятия говорящего. Ср.:

(4)

[Что означает непогода во время свадьбы?] А вот здесь вот, я вам пример приведу: я уш здесь и жила, и на скотном работала; была одна свадьба... одна свадьба была зимой, и погода летела, дак страшно глядеть какая! Не видно было ни земли, ни неба – такая подво... погода летела. Молоды записывались в сельсовете **у нас**. И до лета дожили – мужик потонул. Поехали вот **к нам** в Замощё на сенокос и он потонул. *А погодушка летела не к хорошему* (АЛФ РГГУ, инф. ААБ, Калитинка, 1993).

Пересказчик – функция нарратора, который не является субъектом восприятия описываемого события текста, а повествует о мистическом опыте других лиц с их слов:

(5)

[Родственникам можно могилу рыть?] *Родственникам, говорят, ничево нельзя делать такое.* [Почему?] *Не знаю, своим нельзя.* У нас вот прошлый год рассказывала, племянница приеж_ала, она говорит: я... у меня вчера у одной умёр свёкр, кажец_а, кто ли... сёстры. Я, говорит, у них вымыла пол, не через долго у ней умерла свекровка. Потом опять-то... это... вымыла полы... ну как сестра... у сестры там, помогали – у той... чё-то не знаю... тожо, ну, в общем, родители умерли в один гот все. Убили [?] [Именно пол нельзя мыть?] *Пол нельзя мыть и... ну, так-то, ну вить помочь вот, готовить там чиво-то, может быть, и можно.* *Роцтвенникам нельзя* (АЛФ РГГУ, инф. ШГЯ, Кречетово-Чагово, 1996).

Исследуемый эмпирический материал показал, что нарратор способен выступать субъектом интерпретаций во всех названных выше функциях, и именно рассказчик в подавляющем большинстве примеров выступает в роли интерпретатора описываемых событий.

Эксплицитные и имплицитные формы интерпретации в мифологических нарративах

Наблюдения свидетельствуют о том, что характер выражения оценок и интерпретаций в мифологическом рассказе соотносится с функциями нарратора в тексте. Прослеживается следующая тенденция: чем ближе рассказчик к событийному центру, тем более скрытые, имплицитные формы интерпретации используются, а чем более внешней является позиция нарратора по отношению к описываемым событиям, тем более явно выражаются интерпретации и оценочные суждения. Так, в случаях, когда рассказчик выступает в функции *соприсутствующего* или *пересказчика*, преобладают эксплицитные формы интерпретации в речевой партии самого нарратора. Когда же рассказчик описывает свой мистический опыт, чаще применяются имплицитные способы мотивировки событий в мифологическом ключе. Можно выделить несколько таких приемов.

Прежде всего отметим делегирование рассказчиком объяснительной функции персонажам – участникам ситуации. Объяснение ситуации через речь других персонажей, так же как и ссылка на мнение социума как на некое общее знание чаще отмечается в нарративах личного опыта. Ср.:

(6)

У меня свой муж-от, я первово захоронила, ак он фсё время ко мне ходил. <...> Потом я наказала маме, чтоб мама пришла ко мне там. <...> Мама сходила в Нец'ееву к какой-то бабушке. <...> Дак вот та бапка меня зделала. <...> Слова-те принёсла... <...> Я эти слова, как он прихойит – я вышла ис комнаты и эти слова проц'итала, а он мне говорит: «А! – гьрит, – догадалась! Если бы не догадалась, скоро бы за мной бы ушла!» <...> Вот он придёт, <...> сидит, скаьт: «Давай-ко йись!» А я гьрю: «У мян ниц'ёво не поставлёно, я токо со двора пришла, у мян ниц'ёво нет». И сама из избы побежала к сосетке. Ну сосетку приведу, а чцё сосетка: придёт со мной и уходит. Ей-то не кажеца – мне. Пришла к корове если (он умёр, дак веть я корову ошо дёржала), он гьт: «Я надавал корове. Ты чёво идёш?» <...> И стоит тут. *Дак мне люди-то сказали, што он бы меня, если ошо подольше, ак он бы мян закомау* (АЛФ РГГУ, инф. АВА, Смольянец-Дымковская, 2010).

В данном примере рассказчик, по сути, выражает свою интерпретацию ситуации, но «чужими устами» – через речь других персонажей. При этом контекст свидетельствует о том, что сам говорящий солидарен с данной интерпретацией, что, впрочем, вполне закономерно и находится в русле общефольклорных тенденций – неоднократно отмечавшейся в научной литературе монологичности оценок в фольклорном тексте и невозможности совмещения в нем разных точек зрения (вспомним хрестоматийный пример автономии отрицательного персонажа в былине – «собака Калин-царь», в котором находит выражение традиционная оценка врага, транслируемая сказителем) [13 с. 240–242; 14 с. 530].

Функция интерпретации может быть передана как конкретному персонажу-наблюдателю, в роли которого чаще всего выступает член семьи реципиента или представитель ближайшего социального окружения, так и обобщенному коллективному субъекту – социуму. При этом такая «коллективная» интерпретация может сосуществовать в тексте с оценочными суждениями рассказчика и, таким образом, поддерживать и усиливать их. Ср.:

(7)

Кто больно сильно жалеет покойника, дак приходит <...> привя-жец'а, дак. У нас Вальки Пахтусовой [АВА] ф Тонкове [д. Дымковская] <...> умир Лёша. <...> Дак она и спать ни могла дома-та. <...> Кажду ночь только ляжет спать – он заходит к ей <...> и муц'ат ие и фсё, дак она <...> потом дак и спать стала в деревню ходить. А потом цё-то поделали тожо бапки, <...> и не стал ходить. <...> По ноцам [ходил]. <...> Муц'иит. <...> То давит, то цё-нибудь, да фсё, говорит, делает. <...> «Фставай да пашли», – зовёт с собой. <...> Сказали, што... топором по... по порогу три креста поставить. На пороге топором. Так она и вот зыделала это. <...> Не будет [ходить]. <...> Тожо надо слова <...> какие-то [слов не помнит] (АЛФ РГГУ, инф. ОЯБ, Смольянец-Никольская, 2010).

К имплицитным способам выражения позиции рассказчика можно отнести примеры демонстрации им незнания, неуверенности или отказа от идентификации явления (см. также выше пример № 2):

(8)

[Болезнь: в человеке кто-то говорит, какое-то существо поселяется.] Так он ненормальный щеловек. У нас вот тут по соседству есть, вот говорили [ему (внутренний голос)]: «Руби руку, нет – убьём тебя.

Руби руку!» [Кто говорил?] – *А вот кто – подь знай, кто говорил ему* (АЛФ РГГУ, инф. БЕА, Кречетово-Евсино-Ручьевская, 1996).

Однако декларируемое рассказчиком отсутствие мнения по поводу события текста имеет фиктивный характер: когда в беседе звучит рациональная трактовка описанных им фактов, он возражает:

(9)

[СВМ:] [Что же это было?] *Вот а подь знай, что было.* <...>

[СЛН:] *Это галлюцинация, это что-то такое вот бывает...* <...>

[СВМ:] *Так всё сбилось. Я ведь ещё ей сказала...* (АЛФ РГГУ, инф. СВМ, Труфаново-Кукли, 1998).

Имплицитными средствами интерпретации, функционально идентичными декларациям незнания и неуверенности, являются и вопросы, обращенные к собеседнику:

(10)

У меня у самово овцы терялись. Овца потерялась и ещё три ягнёнка. Два дня и... думал, зафтра придут – нет. Пойдёшь вот к старухе тожо – всё: придут. Она и говорит: «Вот ты вовремя пришёл: они живые. *Они у тебя закрыты*». *А вот откуда она-то знает?* (АЛФ РГГУ, инф. БЗН, Нокола-Меньшаковская, 1997).

Мотивировка события самой структурой нарратива также является способом непрямого выражения позиции рассказчика. Это наблюдается в случаях, когда причинно-следственные значения выводятся из толкования всей нарративной ситуации: события каузируются всем ходом действия и из развязки текста явствует мифологическая интерпретация ситуации и вытекающие отсюда толкования, предписания, запреты и т. п. Например:

(11)

Вот у меня второй муж, трактором он сам себя по случайности-то вот попал, раздвил голову себе и мозги-то тут остались тут на току, на сушилке, и тётка, его роднаи тётка взяла да и вынесла эти мозги. «Давай потом, грит, снесу на могилку закопаю». <...> А потом да и забыла. А он: «Отдай моё», – грит. Ей снился тоже, приходил. <...> А она потом вспомнила, да и сходила, нашла – дак на кладбище, закопала в могилку, *дак больше и не стал сниться* (АЛФ РГГУ, инф. ТИШ, Печниково-Олехово, 1997).

(12)

Ночевала одна [в бане], дак мне всю ночь не давало спать я не могла заснуть, а вот стучит, чиво, думаю, стучит, думаю корова, дак чиво будут они стучать, *солнце встало, и не стало стучать* (АЛФ РГГУ, инф. ФГП, Печниково-Олехово, 1997).

(13)

[Старуха потерялась – пошла за клюквой]. И к ней [к знатухе]. – Найдётся, – говорит, – и сразу [нашлась]. Чево-то сказала и всё: «Найдётся», – *и сразу [нашлась]* (АЛФ РГГУ, инф. ЗИК, Никола-Меньшак-овская, 1997).

Отметим, что в отличие от рассмотренных Л.Н. Виноградовой [1] контекстов с четко выраженными логическими причинно-следственными отношениями (предписания, тексты гаданий и толкований снов, поверья) логическая структура этих мотивировок не исчерпывается отношениями причины, следствия и цели – во фрагментах, где говорящий осуществляет идентификацию явления как мифологического, также, на наш взгляд, имеет место семантика интерпретации. Ср.:

(14)

Хозяин у меня роботал на конюшне, на конюшне роботал, говорит: прихожу я на конюшню, кони были все застаты – со стариком ходил, старика нету, пошел к старику дак. Захожу, говорит, в конюшню: ходит лошадь, он там назвал по кличке [?]. Вижу на месте, а я, говорит, иду за ней в хлев. Она потерялась, несу [?], говорит, и стойло закрыто, закрытое стойло. [Он пошел за ней вслед и увидел]. *Вот это хозяин-то позабавился.* [Хозяин?] *Дворовой* (АЛФ РГГУ, инф. ТПВ, Калитинка, 1993).

(15)

Приходил хозяин ко мне... Лёг спать на койку ко мне, я говорю: «Господи, благой, Господи благой», – его уж нету. Слизкой такой, слышу, как идёт, идёт, што такое, што (АЛФ РГГУ, инф. КАП, Ухта, 1996).

Значение причины в таких контекстах выражено не прямо – путем наименования мифологического субъекта, вызвавшего описываемое событие.

Заключение

Исследование фигуры интерпретатора в устных мифологических рассказах выявило черты, обусловленные в первую очередь особенностями коммуникативной ситуации бытования текста.

Свойством любого фольклорного текста – в силу устной природы фольклора – является его экспликация в ситуации непосредственного контакта исполнителя и слушателя. Однако в мифологической прозе, с присущей ей установкой на достоверность, это имеет более значимые последствия для содержания и формы текста. Функционирование мифологического текста в рамках актуального разговорно-речевого дискурса с синхронным адресатом и вербализованной позицией говорящего обусловило доминирующую роль рассказчика в качестве субъекта интерпретаций.

Обнаруживается корреляция между формами толкований (эксплицитной и имплицитной) и позицией рассказчика – степенью его близости к событию текста. В текстах, где рассказчик занимает внешнюю позицию по отношению к описываемым событиям (свидетельствует о чужом мистическом опыте), преобладают эксплицитные интерпретации и оценочные суждения. Имплицитные же формы толкований с большей вероятностью появляются в нарративах, описывающих личный опыт столкновения с мифологическими явлениями, что может быть связано, с одной стороны, с нежеланием говорящего брать на себя личную ответственность за содержание и мифологическую трактовку текста, а с другой – со стремлением вовлечь слушателя в процесс интерпретации в соответствии с диалогической природой былички.

Литература

1. *Виноградова Л.Н.* Тексты народной культуры, наделенные интерпретирующей функцией (мотивировки ритуального поведения, толкования гаданий и снов, мифологическая трактовка знаковых событий) // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 307–321.
2. *Толстая С.М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Либроком, 2010. 368 с.
3. *Виноградова Л.Н.* Мотивировки обрядовых действий: стереотипы религиозного и магического мышления // Folklor – Sacrum – Religia. Lublin: Inst. Europy Środkowo-Wschodniej, 1995. S. 52–58.
4. *Виноградова Л.Н.* Мотивировки ритуальных действий как интерпретирующие тексты // Ученые записки Российского православного университета

- им. ап. Иоанна Богослова. М.: Российский православный университет им. ап. Иоанна Богослова, 1998. Вып. 4. С. 111–117.
5. Толстая С.М. Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
 6. Левкиевская Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2007. 634 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004113279> (дата обращения 20 авг. 2108).
 7. Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / Сост. А.С. Архипова, М.А. Гистер, А.В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
 8. Lyons J. Semantics. 2 vol. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. Vol. 2. 897 p.
 9. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке: Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 480 с.
 10. Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 5–22.
 11. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
 12. Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
 13. Оссоветацкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. [Отв. ред. А.Н. Кожин]. М.: Наука, 1979. С. 199–252.
 14. Протт В.Я. Русский героический эпос. М.: ГИХЛ, 1958. 604 с.

References

1. Vinogradova LN. Folk culture texts that have interpretative function (motivation of ritual behaviour, interpretations of fortunetelling and dreams, mythological interpretation of meaningful events). *Slavyanskii al'manakh*. 2016;1-2:307-21. (In Russ.)
2. Tolstaya SM. Semantic Categories of the Language of Culture: Essays on Slavic Ethnolinguistics. Moscow: Librokom Publ.; 2010. 368 p. (In Russ.)
3. Vinogradova LN. Motivations of ritual actions: stereotypes of religious and magical thinking. V: *Folklor – Sacrum – Religia*. Lublin: Institute Europy Środkowo-Wschodniej Publ.; 1995. S. 52-8. (In Russ.)
4. Vinogradova LN. Motivations of ritual actions as interpretative texts. V: *Scientific Proceedings of the Apostle John the Theologian Russian Orthodox University*. М.: Rossiiskii pravoslavnyi universitet im. ap. Ioanna Bogoslova Publ.; 1998. Iss. 4. p. 111-17. (In Russ.)

5. Tolstaya SM. Word Space. Lexical Semantics from the Slavic perspective. Moscow: Indrik, 2008. 528 p. (In Russ.)
6. Levkivskaia EE. East Slavonic Mythological Text: Semantics, Dialectology, Pragmatics [Internet] [dis. ... d-ra filol. nauk] [Internet]. Moscow, 2007. 634 p. [data obrashcheniya 20 Aug. 2018]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004113279> (In Russ.)
7. Levkivskaia EE. Bailichka as a Speech Genre. V: Arkhipova AS., Gister MA., Koz'min AV., comp. *Bricks: Folklore and Cultural Anthropology Today*. Coll. of articles in celebration of the 65th birthday of S.Yu. Neklyudov and 40th anniversary of his scientific career. Moscow: RGGU Publ.; 2008. p. 341-63. (In Russ.)
8. Lyons J. Semantics. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.
9. Paducheva EV. Semantic Research: Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ.; 1996. 480 p. (In Russ.)
10. Apresyan YuD. Interpretation Verbs. The Semantic Structure and Properties. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*. 2004;1:5-22. (In Russ.)
11. Paducheva EV. The Statement and its Correlation with Reality. Moscow: Nauka Publ.; 1985. 272 p. (In Russ.)
12. Paducheva EV. Egocentric Valences and Deconstruction of Speaker // Questions of Linguistics. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2011;3:3-18. (In Russ.)
13. Ossovetskii IA. Some Observations on the Language of Poetic Folklore. V: [Kozhin AN., ed.] *Essays on the Stylistics of Artistic Speech*. Moscow: Nauka Publ.; 1979. p. 199-252. (In Russ.)
14. Propp VYa. Russian Heroic Epos. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury Publ.; 1958. 604 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82; viktoriya-cherwaneva@yandex.ru

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, PhD in Philology, associate professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia; viktoriya-cherwaneva@yandex.ru